

© М. Я. Дымарский

DOI: [10.15293/2226-3365.1606.12](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1606.12)

УДК 81'367+811.161.1'04

ОБРАЩЕНИЕ И ТЕОРИЯ БАРЬЕРОВ

М. Я. Дымарский (Санкт-Петербург, Россия)

В статье доказывается нецелесообразность включения элементов коммуникативного «эскорта» высказывания – обращений, вводных слов и междометий – в число компонентов, рассматриваемых в качестве барьеров в теории, созданной А. А. Зализняком. Показано, что понятие клаузы используется в этой теории и в работах последователей в расширительном смысле. Клауза, определяемая как грамматическая структура («группа, в том числе и не предикативная, вершиной которой является глагол»), рассматривается в то же время как результат линеаризации этой же структуры. Границы этой линеаризованной структуры определяются не только грамматически (в соответствии с принятым определением клаузы), но и по смыслу; последнее же заставляет включить в рассматриваемую цепочку словоформ обращения, вводные слова и междометия. Это означает, что в реальности в качестве линеаризованной структуры анализируется уже не клауза, а высказывание. Такое понимание прямо противоречит определению клаузы, из которого эксплицитно исходит создатель теории барьеров. В то же время и линейная структура высказывания не может быть интерпретирована просто как линеаризованная структура клаузы: она представляет собой результат наложения на линеаризованную базовую грамматическую структуру (клаузы) второй структуры – коммуникативной, включающей не только линейно-акцентные преобразования, но и позиции для элементов коммуникативного «эскорта». Эти позиции, в каком бы месте они ни оказались, в отличие от линейно-акцентных преобразований, никак не влияют на линейное расположение компонентов грамматической структуры, поэтому учитывать их в теории барьеров избыточно. Последнее показано посредством реанализа ряда примеров из древнерусского языка, рассматриваемых в работах А. А. Зализняка и А. В. Циммерлинга.

Ключевые слова: клауза, высказывание, порядок слов, теория барьеров, обращение, древнерусский язык.

Противопоставление предложения как грамматической структуры и высказывания как факта речи, тем или иным способом эту структуру использующего – (или не использу-

ющего), в обосновании не нуждается: еще в середине прошлого века оно вполне утвердилось в синтаксической теории, неоднократно доказав свою объяснительную силу [1–2; 5; 8;

Дымарский Михаил Яковлевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Российский государственный педагогический университет им. А. М. Герцена.

E-mail: dym2005@list.ru

12–20; 27]¹. Однако за выражением *синтаксическая теория* в данном случае подразумевается отнюдь не вся мировая лингвистика, но лишь довольно ограниченный ареал: традиция разграничения указанных понятий сложилась прежде всего в чешском и отечественном синтаксисе. Современная же мировая лингвистика – во всяком случае, если иметь в виду синтаксис – преимущественно ориентируется на различные версии генеративизма, прежде всего – на широко известную Минималистскую программу Н. Хомского. Чтобы в этом убедиться, достаточно ознакомиться с тезисами синтаксической секции XIX лингвистического конгресса, прошедшего в 2013 г. в Женеве². К какой бы версии генеративизма мы ни обратились, даже намек на особое понятие высказывания, в отличие от предложения клаузы, мы не найдем. Задача этой небольшой работы состоит в том, чтобы на одном примере показать, насколько легко противопоставление предложения и высказывания позволяет объяснить факты, побуждающие сторонников сугубо линейной трактовки «клаузы» к довольно сложным теоретическим построениям. Речь пойдет об анализе порядка слов в древнерусском предложении с обращением.

А. А. Зализняк в книгах «Древненовгородский диалект» [6] и «Древнерусские энклитики» [7] предложил понятие ритмико-синтаксического барьера, существенно дополняющее закон Я. Ваккернагеля и позволяющее

описать древненовгородский диалект как язык, в полной мере реализующий этот закон (в классификации А. В. Циммерлинга – *W*-система), а древнерусский язык южных памятников – как язык, «где закон Ваккернагеля действует в неполном объеме, но более грамматикализованных ограничений порядка слов на уровне предложения нет» [25, с. 309] (в той же классификации – *W**-система, т. е. «разрушенная *W*-система») [25, с. 309]. Общая идея сводится к следующему.

Закон Я. Ваккернагеля, как известно, требует постановки сентенциальных клитик и цепочек таких клитик во вторую позицию предложения – после первого фонетического слова/тактовой группы (термины, которыми пользуется А. А. Зализняк), в смягченном варианте – после первой «полной группы» (термин, используемый А. В. Циммерлингом). Однако не только в современном русском, но и в древнерусском языке, в том числе в древненовгородском диалекте, клитики, способные войти в цепочку (кластеризуемые клитики), отнюдь не всегда оказываются в «ваккернагелевской» позиции. Ср. примеры А. А. Зализняка (клитики подчеркнуты):

(1) *тѡи же осени много ѣь злѣ сътвори*
(Новгородская 1-я летопись, Комиссионный список. Если прямолинейно следовать закону

¹ См. также: *Daneš F.* A Three-Level Approach to Syntax // *Travaux linguistiques de Prague. L'école de Prague d'aujourd'hui.* 1. Prague, 1964. P. 225–240; *Общее языкознание. Внутренняя структура языка.* М.: Наука, 1972. 564 с.; *Белошапкова В. А.* Современный русский язык. Синтаксис. М.: Высшая школа, 1977. 248 с.; *Bárnetova V., Beličova-Kržižkova H.* (ред.), *Leška O.* (ред.), *Skořmalová Z., Stráková V.* Русская грамматика. Т. 2 (отв. ред. тома Н. Beličova-Kržižkova). Praha: Academia, Československé akademie věd, 1979; *Русская грамматика: в 2 т.* М.: Наука, 1980; *Mlvniece*

češtiny, D. (Т.) 3. Skladba (Syntax). Praha: Academia, Československé akademie věd, 1987; *Ильенко С. Г.* Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. 398 с.; *Норман Б. Ю.* Когнитивный синтаксис русского языка. М.: Флинта; Наука, 2013. 254 с. и мн. др.

² *Congrès International des Linguistes 19 (Geneva, 21-27 July 2013) / Abstracts.* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cil19.org/cc/en/abstract/> (22.09.16)

Я. Ваккернагеля, клитика должна была бы стоять перед много, после первой «полной группы», т. е. словосочетания);

(2) *да вы почто съ томоу дивите* (Житие Андрея Юродивого. Ожидалось бы *съ почто*).

Для объяснения этого явления и вводится понятие барьера³: «Начальная часть клаузы может быть как бы отчленена (в произношении этому может соответствовать короткая остановка или пауза, но может и ничего не соответствовать); правила о расположении энклитик действуют после этого так, как если бы отчлененной части в клаузе вообще не было. Иначе говоря, действительное начало клаузы заменяется (с точки зрения действия этих правил) точкой “условного начала”, находящейся непосредственно после отчлененной части. Точку “условного начала” можно образно представить в виде некоего «ритмико-синтаксического барьера», который не позволяет энклитикам продвинуться влево, к действительному началу клаузы» [7, с. 48]. Барьеры, по А. А. Зализняку, могут быть обязательными, полуобязательными и факультативными [7, с. 50], причем каждый тип представлен закрытым списком явлений.

Теория барьеров получила определенное распространение и используется в целом ряде современных исследований [3–4; 9–11; 21–24; 26; 29–38]⁴.

Можно в целом согласиться с А. В. Циммерлингом, который оценивает теорию барьеров как «выдающееся достижение А. А. Зализняка», поскольку она дает «единое объяснение для фактов сдвига цепочки клитик и фактов разрыва цепочки клитик», в то время как «в описаниях большинства славянских языков и в ряде теоретических работ по славянскому синтаксису предложения с эффектом Барьера⁵ нередко игнорируются как нежелательное отклонение от закона Ваккернагеля <...> либо, напротив, выдаются за доказательство того, что закон Ваккернагеля в них не действует: в результате системы порядка слов, подчиняющиеся жестким синтаксическим запретам, позволяющие выделить основной и производный порядок в предложениях с клитиками и доступные для параметрического описания, предстают в качестве неупорядоченного набора частных фактов и статистических флуктуаций» [25, с. 386–387].

В самом деле, для таких, скажем, случаев, когда в абсолютное начало вынесена обстоятельственная группа с локативным значением, получающая в результате коммуникативный статус контрастной темы, интерпретация этой группы как барьера, сдвигающего цепочку клитик на шаг вправо, выглядит убедительным объяснением (примеры А. А. Зализняка):

(3) *а въ Рускои землѣ кто ны съ встанеть <?>*

(Ипатьевская летопись).

³ А. В. Циммерлинг указывает, что «параллельно исследованиям А. А. Зализняка в области славянского синтаксиса Н. Хомский для других целей ввел термин “Барьер” в универсальную грамматику» в работе [28], – причем не только для других целей, но и в другом значении [25, с. 387]. Это указание, видимо, следует понимать в том смысле, что два разных, но одноименных понятия появились независимо друг от друга. Хотя А. А. Зализняк использует вместо привычных для русистики понятий предложения/высказывания понятие клаузы, характерное

как раз для хомскианской лингвистики, у нас нет оснований подвергать цитированное свидетельство сомнению.

⁴ См. также: Герасимова А. А. Лицензирование отрицательных местоимений через границу инфинитивного оборота в русском языке // Типология морфосинтаксических параметров: Материалы межд. конф. М.: Изд-во МПГУ, 2015. С. 47–61.

⁵ Прописная буква в соответствии с оригиналом.

В этом высказывании происходит действительное перемещение компонента синтаксической структуры предложения в начальную позицию, дающее производный порядок слов: исходным для этого предложения следует считать вариант

(3.1) *а кто ны съ встанеть въ Рускои землѣ.*

В результате этого перемещения цепочка клитик, состоящая из краткой (клитической формы) В. п. местоимения *мы* и возвратного местоимения, сдвигается из стандартной второй позиции на шаг вправо.

Убедительно и объяснение аналогичного сдвига клитики-связки разрывом словосочетания *другая полтина* и вынесением его первого компонента в абсолютное начало (А. А. Зализняк именует такие конструкции «охватом сказуемого»):

(4) *дрогую далъ ксьмь дмитроу черенцю полтинуу* (Грамота № 689).

В подобных случаях применение понятия барьера оправданно и эффективно.

Однако удивительным представляется тот факт, что в качестве первого типа обязательных барьеров (из всего двух) автор называет «инородную актантную группу (обращение, междометие, вводное слово)» [7, с. 54]. Нужно пояснить, что под актантной группой автор понимает «каждое из непосредственно подчиненных сказуемому слов вместе со всем, что подчинено самому этому слову» [7, с. 15], включая не только подлежащие, но даже определения, распространяющие предикативное имя (например, *жестокъ* в высказывании *жестокъ человекъ царю ты кси* [7, с. 50]. Каким образом обращение, междометие или вводное слово подчинены сказуемому (коль скоро они

составляют «актантные группы»), из каких фактов, признаков и т. п. выводится представление о такой подчиненности – неясно, соответствующих комментариев нет.

Стоит остановиться и на понятии инородности, последовательно употребляемом А. А. Зализняком. Дело в том, что базовым термином, заменяющим более привычные для русистики *предложение* и, тем более, *высказывание*, в книге, как уже было упомянуто, является *клауза*. Вот как автор представляет – в особом параграфе – соответствующее понятие: «Капитальное значение для изучения энклитик имеет правильное выделение того отрезка речевой цепи, в рамках которого действуют правила о порядке расположения энклитик. Таким отрезком оказывается синтаксическая единица, для которой в русской лингвистике нет традиционного общепринятого термина и за которой ныне все более закрепляется термин *клауза*, идущий из англоязычной традиции (англ. *clause*)» [7, с. 12]. Далее приводится определение Я. Г. Тестельца: «Клаузой называется любая группа, в том числе и не предикативная, вершиной которой является глагол, а при отсутствии полнозначного глагола – связка или грамматический элемент, играющий роль связки»⁶. Традиционного общепринятого и, что немаловажно, удобного и компактного термина для того, что понимается под клаузой, в отечественной лингвистике действительно нет, поскольку этим понятием охватываются любые предикативные группы независимо от того, развернуты они или свернуты (например, и деепричастные обороты). Но важно то, что понятие клаузы и у Я. Г. Тестельца, и у А. А. Зализняка вводится как понятие синтаксическое, более того – грамматическое. Все, что не поддается

⁶ Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. – М.: РГГУ, 2001. – С. 256.

интерпретации в качестве подчиненного (прямо или опосредованно) глагольной вершине, должно быть выведено за пределы клаузы. В таком случае выражение «инородная актантная группа» читается как оксюморон. Не случайно в другом месте А. А. Зализняк указывает: «При подсчете актантных групп в клаузе следует помнить, однако, что в этот счет не входят инородные группы, а также актантные группы, состоящие из одной лишь энклитики» [7, с. 17].

Сказуемое не подчиняет ни обращений, ни вводных слов, ни междометий. То же верно и для любых «сателлитов» сказуемого. Во всяком случае, доказать обратное пока еще никому не удавалось, хотя попытки соответствующих деклараций, разумеется, были. Например, А. Г. Руднев утверждал, что «обращение – особый член предложения» «третьего порядка», связанный с предложением особой соотносительной связью⁷. Грамматическая сущность этой связи автором, однако не была раскрыта – и не могла быть раскрыта, поскольку ее нет. А. М. Мухин, критикуя А. А. Шахматова за то, что тот вывел обращения и вводные слова из состава предложения, предлагал увеличить количество «составов» предложения – то есть добавить к составу подлежащего, составу сказуемого третий состав – дополнительного сказуемого (вторичного предиката) (ср. *Твой друг / сидит там / очень мрачный*), четвертый состав – обращения (*Твой друг, / братец мой, / сидит там / очень мрачный*; примеры с разметкой автора)⁸. Понятно, что при желании можно постулировать произвольное количество «составов», но непонятно,

на чем основана такая исследовательская операция – в отличие от позиции А. А. Шахматова, который последовательно опирался на вполне определенное представление о структуре того, что он называл коммуникацией.

Весьма показательна позиция, которую в свое время занял В. П. Проничев: детально изучив функционирование обращений в русском и сербохорватском языках, он пришел к выводу, что любое обращение, независимо от его просодического оформления, позиции, лексико-грамматического состава и т. д., следует рассматривать как особый тип предложения, т. е. наиболее радикальным образом выразил отказ от идеи поисков каких бы то ни было грамматических связей между обращением и тем предложением, с которым оно образует одно высказывание⁹.

Почему, несмотря на ясное понимание «инородности» обращений, вводных слов и междометий по отношению к грамматической структуре предложения (или клаузы, что в данном случае дела не меняет), эти элементы все-таки вводятся в рассмотрение в теории барьеров – понятно. Клауза, определяемая как грамматическая структура («группа, в том числе и не предикативная, вершиной которой является глагол»), рассматривается в то же время как результат линейаризации этой же структуры. Границы этой линейаризованной структуры определяются не только грамматически (в соответствии с принятым определением клаузы), но и по смыслу; последнее же с неизбежностью заставляет включить в рассматриваемую цепочку словоформ обращения, вводные слова и междометия. Это озна-

⁷ Руднев А. Г. Синтаксис современного русского языка. Изд. 2-е. М.: Высшая школа, 1968. С. 177–178; 218.

⁸ Мухин А. М. Структура предложений и их модели. Л.: Наука, 1968. С. 41–42.

⁹ Проничев В. П. Синтаксис обращения (на материале русского и сербохорватского языков). Л.: ЛГУ, 1971. 87 с.

чает, что в реальности в качестве линеаризованной структуры анализируется уже не клауза, а высказывание. При этом не принимается во внимание тот очевидный факт, что структура высказывания может быть намного сложнее, поскольку:

1. Она включает не только клаузу, но и дополнительное – актуальное – членение, не зависящее от грамматического и часто имеющее существенные последствия для линеаризации исходной грамматической структуры в результате перемещений и изменений коммуникативного статуса компонентов последней – линейно-акцентных преобразований (ЛА-преобразований; термин введен Е. В. Падучевой в [15, с. 118]; см. также [12, с. 34]). Именно последствия ЛА-преобразований можно наблюдать в примерах (3–4).

2. Она может включать не только клаузу, но и дополнительный коммуникативный «эс-корт», тесно связанный с базовой структурой по смыслу – но не синтаксически. Грамматическая структура клаузы для таких элементов, как обращения, вводные слова и междометия,

непроницаема – **в отличие от линейной структуры высказывания**, в составе которой они оказываются неизбежно в силу общеизвестного фундаментального свойства речи – линейности.

Таким образом, в качестве клауз в работах [7; 25] фактически анализируются высказывания, которые – в случае наличия в них, например, обращений – подвести под принимаемое авторами определение клаузы невозможно. Отсюда, в частности, и оксюморон «инородная актантная группа», и анализ высказываний с обращениями в терминах теории барьеров. Например, фраза:

(5) **кїжє ты сѧ на на^(і) нє гнѣван** (Киевская летопись)

– интерпретируется так, что исходный порядок (5.1) был изменен в результате введения обращения, являющегося обязательным барьером, и все компоненты клаузы, включая клитику, сместились на одну позицию вправо (5.2):

(5.1)

1	2	3	4	5
ты	сѧ	на на ^(і)	нє	гнѣван

(5.2)

1	2	3	4	5	6
кїжє	ты	сѧ	на на ^(і)	нє	гнѣван

Такая интерпретация возможна только в том случае, если любая позиция в линейной записи фразы рассматривается как позиция линеаризованной структуры клаузы. Обращение при таком подходе автоматически оказывается компонентом клаузы, которым оно на самом деле не является. Между тем достаточно учесть тот факт, что в реальности анализируется не клауза, а высказывание, и

предусмотреть для элементов коммуникативного «эскорта» особые позиции, недоступные компонентам клаузы (такие позиции можно обозначить, скажем, не порядковыми номерами, а литерами), – чтобы стало ясно, что никаких преобразований в линеаризованной структуре клаузы не происходит и никакого барьера, соответственно, нет:

(5.1a)

А	1	2	3	4	5
–	ТЫ	СА	НА НА ⁽⁶⁾	НЕ	ГНѢВАН

(5.2a)

А	1	2	3	4	5
КНѢЖЕ	ТЫ	СА	НА НА ⁽⁶⁾	НЕ	ГНѢВАН

Аналогичных примеров, дающих ту же картину для всех типов кластеризуемых клитик (сентенциальных частиц, местоименно-аргументных клитик, возвратных клитик, связок), можно привести сколько угодно. Они с избытком представлены в книге А. А. Зализняка, и мы в данном случае избавим читателя от них, поскольку ясно, что дело не в наличии примеров, а в подходе к их интерпретации.

Клетка «А» в табличной записи высказывания может появиться в любом месте, поскольку обращение, как известно, не только в современном, но и в древнерусском языке свободно занимает практически любую линейную позицию. Ср.:

(6) товѣ са кнѣже кланѣкъмъ (Новгородская 1-я летопись. Синодальный список);

(7) а поѣди кнѣже к городуу (Суздальская летопись);

(8) бѣ да хранитъ тѣ кнѣже ѿ сѣго (Повесть временных лет);

(9) что твориши кнѣже (Суздальская летопись);

(10) и ѿ вси^а си^{хъ} бѣгодарю тѣ Гї (Киевская летопись).

Линейная структура высказывания представляет собой результат наложения на линеаризованную базовую грамматическую структуру (клаузы) второй структуры – коммуникативной, включающей не только ЛА-преобразования, но и позиции для элементов коммуникативного «эскорта». Эти позиции, в каком бы месте они ни оказались, в отличие от ЛА-

преобразований, никак не влияют на линейное расположение компонентов грамматической структуры, поэтому учитывать их в теории барьеров избыточно. В следующем примере сдвиг клитики вправо возникает без всякого участия обращения: причина не в нем, а в ЛА-преобразовании, которое А. В. Циммерлинг описывает как *Left Focus Movement*, т. е. «перемещение элемента влево из позиции конечной ремы в позицию в начале группы сказуемого, предшествующую вершине глагольной группы» [25, с. 281]. Именно выдвигание аналитического прилагательного *без ума* влево из стандартной приглагольной позиции является причиной сдвига аргументной местоименной клитики на шаг вправо: обращение здесь совершенно ни при чем:

(11) лѣ кнѣже ци без ума мѣ творишь (Волынская летопись; букв. ‘Лев князь, или без ума меня творишь’; подразумеваемый смысл: ‘...разве считаешь меня безумным?’).

Существенно, что в данном случае мы имеем действительно производный порядок слов, явно отличающийся от нейтрального: реальное перемещение клитики со своего стандартного места делает осмысленным и анализ примера в терминах теории барьеров.

Иногда складывается впечатление, что простота явно избыточной интерпретации обращения как обязательного барьера отвлекает внимание исследователя от реальной сложности анализируемого материала. В книге дважды разбирается один и тот же пример

[25, с. 117–118, 392], и в обоих случаях интерпретация не лишена неточностей:

(12) *кнѧже мы не на тѧ восталѣ ꙗсмы но не хочемь кланѧти сѧ попадьи* (Киевская летопись).

Автор комментирует этот пример так: «В этом древнерусском примере в начало предложения вынесено обращение, которое само по себе является в этом языке обязательным слепым¹⁰ коммуникативным барьером. Непосредственно за обращением стоит контрастная тема {ContrTopic *мы не на тѧ*}, уточняющая, что говорящие восстали против *У-а*, а не против *Х-а*. Такого рода группы в древнерусском языке были факультативным коммуникативным Барьером [6, с. 287], но это в данном случае не так важно, так как перед ней уже стоит обязательный барьер. Поэтому клитика = *есмы* присоединяется к следующему за последним Барьером слову, глаголу *восталѣ*» [25, с. 118]. Этому анализу соответствует следующая запись (цифры в скобках обозначают позицию в линейной структуре):

(12.1) [^{BARRIER1} [VocP *кнѧже*]] (1), [^{BARRIER2} {ContrTopic *мы не на тѧ*}] (2) *восталѣ* (3) = *ꙗсмы* (4) [25, с. 117].

На самом деле той контрастной темы, о которой пишет А. В. Циммерлинг, здесь нет. Не требуется даже контекста, чтобы понять, что речь идет об уже известном адресату факте ‘говорящие восстали’ (хотя контекст, разумеется, это подтверждает: см. Киевскую летопись под 6696/1188 г.), поэтому тема высказывания – *мы ꙗсмы восталѣ*. Рема же – *не на тѧ*

<но не хочемь кланѧти сѧ попадьи>¹¹. Соответственно, причина сдвига связки-клитики вправо никак не связана с обращением: она заключается, прежде всего, в ЛА-преобразовании, выдвигающем рему (причем с явным оттенком контраста) как раз в ту позицию, которая по закону Я. Ваккернагеля должна быть занята клитикой. Этот компонент и играет роль барьера. При этом рема оказывается обрамлена элементами темы: получается высказывание такого же вида, как совр. русск. *Я не тебе плачу, а тебе Симе* (вариант, получаемый тем же путем из исходного в записи К. И. Чуковского *Я плачу не тебе, а тебе Симе*).

Второй же (по порядку – первый) барьер в (12) – компонент темы *мы*. Хорошо известно, что в древнерусском языке употребление личных местоимений первого и второго лица при наличии связки было маркированным: в высказываниях, носящих нейтральный характер, они не употреблялись. Смысл, косвенно передаваемый наличием местоимения, в данном случае можно приблизительно передать как ‘ты считаешь, что мы *X*; между тем мы, в отличие от твоего представления о нас, не *X*’. Иными словами, *мы* здесь окрашено семантикой контраста – так же, как и рема. Возможно, именно наличие контраста побудило А. В. Циммерлинга объединить эти компоненты, что все-таки некорректно, т. к. противопоставлений здесь два: 1) ‘на тебя vs. против попадьи’; 2) ‘мы vs. твое представление о нас’.

Мы в (12) является барьером сразу по двум причинам. Во-первых, это «вынесенный в начало общий член двух или более клауз»

¹⁰ Слепые барьеры противопоставляются селективным по признаку избирательности/неизбирательности по отношению к клитикам, на расположение которых они оказывают влияние. – прим. авт.

¹¹ Компонент, заключенный в угловые скобки, является, с нашей точки зрения, вторым в сложной реме.

Однако в системе понятий А. А. Зализняка и А. В. Циммерлинга этот компонент рассматривается как отдельная клауза со своим актуальным членением. Следуем в данном случае этому представлению.

[7, с. 54]; такие барьеры автор относит к полюбозательным. Во-вторых, это «просодическое выражение некоторого выделения того или иного звена фразы», соотнесенное «по смыслу с предшествующей фразой» [7, с. 55–56]; такие барьеры относятся к факультативным.

Этому разбору будет соответствовать запись, существенно отличающаяся от (12.1). Используем принципы нотации А. В. Циммерлинга с одним дополнением: скобки, содержащие тему, в отличие от скобок, обрамляющих ремю, выделены полужирным:

(12.2) [_{VocP} **кнѐжѐ**] (А), [^{BARRIER1} {ContrTopic **мы**}] (1) [^{BARRIER2} {ContrFocus1 **нѐ на тѐ**}] (2) **восталѐ** (3) = **кѐмы** (4)}.

Стоит обратить внимание на тот факт, что предлагаемая в (12.2) коррекция не только лучше объясняет устройство высказывания (12), но и не вступает в противоречие ни с общей идеей теории барьеров, ни с общим смыслом интерпретации примера в книге А. В. Циммерлинга, включая и то, что пример приводится для иллюстрации понятия кумулятивных барьеров, которые, в отличие от привативных, отменяющих эффект предыдущего барьера, накапливают эффект, сдвигая клитику или цепочку клитик на соответствующее количество шагов вправо. В (12) кумулятивным барьером оказывается выдвинутая влево рема. При отсутствии такого выдвижения следовало бы ожидать **кнѐжѐ мы восталѐ кѐмы нѐ на тѐ**, при отсутствии же первого барьера –

кнѐжѐ восталѐ кѐмы нѐ на тѐ. Как нетрудно видеть, в реальности наличие обращения не оказывает никакого влияния на линейную структуру клаузы, если только не понимать под этой структурой простую нумерацию элементов высказывания в порядке поступления.

В теории барьеров есть спорные моменты, хотя в целом, повторим, можно согласиться с оценкой, которую дает ей А. В. Циммерлинг. В частности, представляются очевидными не только теоретическая нецелесообразность учета в теории барьеров обращений и других элементов коммуникативного «эс-корта», но и практическое упрощение анализа, вытекающее из предлагаемой коррекции. А кроме того, представляется уместным еще раз подчеркнуть, что любые заимствования полезны в тех случаях, когда в них есть необходимость и когда они не перечеркивают уже сделанного в отечественной науке. Нельзя не согласиться с А. А. Зализняком в том, что понятие клаузы используется российскими лингвистами все шире, и это как раз тот случай, когда заимствование целесообразно, поскольку более компактного термина для обозначения всего круга явлений, подводимого под это понятие, нет. Но возвращаться к плоскостному видению высказывания как однолинейной структуры с одним входом (через первую по порядку позицию независимо от того, чем она занята), в то время как отечественная лингвистика давно предложила намного более объемную и адекватную картину, вряд ли продуктивно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева С. В. Принципы классификации конструктивно-синтаксических единиц устной речи // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. – 2003. – Вып. 3. – С. 235–244.
2. Андреева С. В. Конструктивно-синтаксические единицы устной русской речи. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2005. – 190 с.

3. **Аркадьев П. М.** Теория грамматики в свете фактов языка каядилт // Вопросы языкознания. – 2015. – № 6. – С. 108–139.
4. **Валова Е. А.** Синтаксические свойства русской энклитической частицы *же* // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. – 2014. – № 4 (39). – С. 16–33.
5. **Вахтель Н. М., Голицына Т. Н.** Предложение, высказывание, речевой акт // Традиционное и новое в русской грамматике: Сб. ст. памяти Веры Арсеньевны Белошапковой. – М.: Изд-во Индрик, 2001. – С. 42–44.
6. **Зализняк А. А.** Древненовгородский диалект. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 720 с.
7. **Зализняк А. А.** Древнерусские энклитики. – М.: Языки славянской культуры, 2008. – 276 с.
8. **Звегинцев В. А.** Предложение и его отношение к языку и речи. – 3-е изд. – М.: КомКнига, 2007. – 312 с.
9. **Иванов В. В.** Северозападно-индоевропейские и уральские тоны с ларингализацией: синхронная и диахроническая лингвистика и генетика // Исследования по типологии славянских, балтийских и балканских языков (преимущественно в свете языковых контактов) / РАН, Ин-т славяноведения / отв. ред. В. В. Иванов; отв. секр. и сост. П. М. Аркадьев. – СПб.: Алетейя, 2013. – С. 266–279.
10. **Кисилиер М. Л.** Закон Ваккернагеля в позднем койне (На материале «Луга Духовного» Иоанна Мосха) // Язык и речевая деятельность. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. – С. 122–140.
11. **Кисилиер М. Л., Федченко В. В.** О языке новогреческой литературы // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. – 2011. – Т. VII, № 1. – С. 409–444.
12. **Ковтунова И. И.** Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. – 2-е изд. – М.: УРСС, 2002. – 240 с.
13. **Конева В. П.** Особенности функционирования в тексте элементарных высказываний, соотносимых с денотативной сферой «представление субъекта» // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века: Сб. ст. в честь профессора С. Г. Ильенко. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. – С. 113–119.
14. **Норман Б. Ю.** О двучленных конструкциях типа *Взрослым о детях, С песней в дорогу, Привет родителям* // От значения к форме, от формы к значению: Сб. статей к 80-летию чл.-корр. РАН А. В. Бондарко. – М.: Языки славянских культур, 2012. – С. 432–444.
15. **Падучева Е. В.** Высказывание и его соотнесенность с действительностью. – М.: Наука, 1985. – 272 с.
16. **Попова З. Д.** Структурная схема простого предложения и позиционная схема высказывания как разные уровни синтаксического анализа // Словарь. Грамматика. Текст. – М.: Изд-во МГОУ. – С. 255–276.
17. **Распопов И. П.** Актуальное членение предложения: На материале простого повествовательного предложения преимущественно в монологической речи. – 2-е изд. – М.: УРСС, 2009. – 168 с.
18. **Распопов И. П.** Очерки по теории синтаксиса. – 2-е изд., доп. – М.: УРСС, 2009. – 224 с.
19. **Распопов И. П.** Строение простого предложения в современном русском языке. – 3-е изд. – М.: УРСС, 2013. – 192 с.
20. **Семантические и прагматические аспекты высказывания:** Межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Т. И. Стеклова. – Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1991. – 164 с.

21. **Сичинава Д. В.** [Рец. на:] В. Hansen, J. Grković-Major (eds.). Diachronic Slavonic Syntax: Gradual Changes in Focus. München etc.: Sagner, 2010. 208 P. (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 74) // Вопросы языкознания. – 2012. – № 6. – С. 150–154.
22. **Циммерлинг А. В.** Типологический синтаксис скандинавских языков. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 895 с.
23. **Циммерлинг А. В.** Системы порядка слов с клитиками в типологическом аспекте // Вопросы языкознания. – 2012. – № 4. – С. 3–38.
24. **Циммерлинг А. В.** Системы порядка слов в славянских языках // Вопросы языкознания. – 2012. – № 5. – С. 3–37.
25. **Циммерлинг А. В.** Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте. – М.: Языки славянской культуры, 2013. – 544 с.
26. **Циммерлинг А. В.** Клитики и информационная структура высказывания в древнечешском языке // Rhema. Рема. – 2015. – № 1. – С. 74–96.
27. **Янко Т. Е.** Коммуникативные стратегии русской речи. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 384 с.
28. **Chomsky N.** Barriers. X-bar syntax: A study of phrase structure. – Cambridge (Mass.): MIT Press, 1986. – 103 p.
29. **Dikken M.** [Review of:] Mirrors and microparameters: phrase structure beyond free word order / David Adger, Daniel Harbour, Laurel J. Watkins. Cambridge Univ. Press (2009) // Lingua. – 2010. – Vol. 129, Issue 9. – P. 2311–2318.
30. **Feldstein R. F.** [Review of:] Andrej A. Zaliznjak, Drevnerusskie ènklitiki // Acta Slavica Iaponica. – 2009. – Vol. 29. – P. 133–140.
31. **Gutschmidt K., Berger T., Kempgen S., Kosta P.** Die slavischen Sprachen / The slavic languages. – Halbband 2. – Berlin; Munich; Boston: de Gruyter, 2014. – 1150 p.
32. **Hill V., Mladenova O.** Mapping the information structure in Early Modern Bulgarian clauses with the particle TA // Lingua. – 2011. – Vol. 121, Issue 15. – P. 2103–2119.
33. **Kosta P., Zimmerling A.** Slavic clitic systems in a typological perspective // The nominal structure in Slavic and beyond (Studies in generative grammar 116) / Eds. L. Schürcks, U. Etxeberria, A. Giannakidou. – Berlin; London: de Gruyter, 2013. – P. 439–486.
34. **Lahousse K., Laenzlinger C., Soare G.** Contrast and intervention at the periphery // Lingua. – 2014. – Vol. 143. – P. 56–85.
35. **Newell H., Piggott G.** Interactions at the syntax–phonology interface: Evidence from Ojibwe // Lingua. – 2014. – Vol. 150. – P. 332–362.
36. **Sáez L.** The Structure of COMP in Slavic: some evidence from Slovak // *Anuario del Seminario de Filología Vasca Julio de Urquijo. International Journal of Basque Linguistics and Philology.* – 1991. – Vol. XXV-2. – P. 515–542.
37. **Schürcks L., Etxeberria U., Giannakidou A.** Nominal arguments and the role of D: An introduction // The nominal structure in Slavic and beyond (Studies in generative grammar 116) / Eds. L. Schürcks, U. Etxeberria, A. Giannakidou. – Berlin; London: de Gruyter, 2013. – P. 3–16.
38. **Wallenberg J. C. Scrambling, L.F.,** and phrase structure change in Yiddish // Lingua. – 2013. – Vol. 133. – P. 289–318.

DOI: [10.15293/2226-3365.1606.12](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1606.12)

Mikhail Yakovlevich Dymarskiy, Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language, Faculty of Philology, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-1796-7686>

E-mail: dym2005@list.ru

VOCATIVES AND THE BARRIERS THEORY

Abstract

The paper proves inadequacy of incorporating elements of the so called communicative escort, i.e. vocatives, parenthesis and interjections, into the scope of Barriers within the Barriers Theory introduced by A. Zaliznyak. It is shown that in this theory the notion of clause is used in its broadest sense. The clause is defined as a grammatical structure (“a group, including non-predicative groups, headed by verb”), but at the same time it is treated as a result of linearization of this structure. The borders of this linearized structure are identified not only grammatically (according to the definition) but also taking semantics into account. This forces the investigator to regard elements of the communicative escort as components of the linearized structure. But it means, in turn, that this linearized structure is no more a clause but an utterance which contradicts the clause definition. At the same time, the linear structure of an utterance may not be interpreted simply as equal to the clause linearized structure, since it arises as a result of imposing two structures: the linearized basic grammatical (clause) structure + the communicative structure, the latter including linear-accent transformations as well as positions for the elements of the communicative escort. These positions may occur at any place of the linear utterance structure but they do not impact the positioning of the components of the grammatical structure. Therefore, interpreting elements of the communicative escort as one of the objects of the Barriers Theory is pleonastic. It is shown by means of reanalysis of some examples from the Old Russian language which have already been analysed by A. Zaliznyak and A. Zimmerling.

Keywords

Clause, utterance, word order, Barrier Theory, vocative phrase, Old Russian.

REFERENCES

1. Andreeva S. V. Principles of classifying of syntactic-structural units of spoken language. *Problems of Speech Communication*. 2003, issue 3, pp. 235–244.
2. Andreeva S. V. *Syntactic-structural units of Russian spoken language*. Saratov, Saratov University Publ., 2005, 190 p.
3. Arkadyev P. M. Theory of Grammar Enlightened by evidence from Kayardilt. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2015, no. 6, pp. 108–139.
4. Valova E. A. Syntactic properties of the Russian enclitic particle zhe. *St. Tikhon's University Review. Series 3: Filologiya*. 2014, no. 4 (39), pp. 16–33.
5. Vahtel' N. M., Golitsyna T. N. Sentence, utterance, speech act. *Traditional and new in Russian grammar: In memoriam of V. A. Beloshapkova*. Moscow, Publ. Indrik, 2001, pp. 42–44.
6. Zaliznyak A. A. *Old Novgorod dialect*. Moscow, Shkola „Yazyki russkoj kul'tury” Publ., 1995, 720 p.
7. Zaliznyak A. A. *Old Russian enclitics*. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2008, 276 p.

8. Zvegincev V. A. *Sentence and its relations to language and speech*. 3rd ed. Moscow, KomKniga Publ., 2007, 312 p.
9. Ivanov Vyach. Vs. Northwest-indoeuropean and Urals tones with laringalization: synchronic and diachronic linguistics and genetics. *Studies on typology of Slavic, Baltic and Balkan languages, predominantly in the light of language contacts*. Ed. Vyach. Vs. Ivanov, comp. P. M. Arkadyev. S. Petersburg, Aletejya Publ., 2013, pp. 266–279.
10. Kisilier M. L. Wackernagel's law in the late Koine (Based on „Lug Duhovnyj” by Ioann Moskh). *Yazyk i rechevaya deyatel'nost'*. S. Petersburg, S. Petersburg State University Publ., 2003, pp. 122–140.
11. Kisilier M. L., Fedchenko V. V. On language of the New Greek literature. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2011, vol. VII, no. 1, pp. 409–444.
12. Kovtunova I. I. *The contemporary Russian language. Word order and the functional sentence perspective*. 2nd ed. Moscow, URSS Publ., 2002, 240 p.
13. Koneva V. P. The peculiarities of text functioning of elementary utterancies correlated to the denotative sphere „introducing a subject”. *Russistics: The linguistics paradigm of the late XX century: In honor of Prof. S. G. Ilyenko*. S. Petersburg, S. Petersburg State University Publ., 1998, pp. 113–119.
14. Norman B. Yu. On binomial constructions of the type Vzroslym o detyah, S pesnej v dorogu, Privet roditelyam. *From meaning to form, from form to meaning: In honor of the RAS corr. member A. V. Bondarko*. Moscow, Yazyki slavyanskih kul'tur Publ., 2012, pp. 432–444.
15. Paducheva E. V. *Utterance and its correlation to the reality*. Moscow, Nauka Publ., 1985, 272 p.
16. Popova Z. D. Clause structural scheme and utterance positional scheme as different levels of the syntactic analyses. *Dictionary. Grammar. Text*. Moscow, Publ. MSOU, 1996, pp. 255–276.
17. Raspopov I. P. *The functional sentence perspective: Based on narrative clauses predominantly in monologue*. 2nd ed. Moscow, URSS Publ., 2009, 168 p.
18. Raspopov I. P. *Essays in the theory of syntax*. 2nd ed, supp. Moscow, URSS Publ., 2009, 224 p.
19. Raspopov I. P. *The clause construction in contemporary Russian*. 3rd ed. Moscow, URSS Publ., 2013, 192 p.
20. *Semantic and pragmatic aspects of utterance*. Ed. T. I. Steksova. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical Institute Publ., 1991, 164 p.
21. Sichinava D. V. [Review of:] B. Hansen, J. Grković-Major (eds.). *Diachronic Slavonic Syntax: Gradual Changes in Focus*. München etc.: Sagner, 2010. 208 P. (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 74). *Voprosy yazykoznanija*. 2012, no. 6, pp. 150–154.
22. Zimmerling A. V. *Typological syntax of Scandinavian languages*. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2002, 895 p.
23. Zimmerling A. V. Word order systems with clitics in the typological perspective. *Voprosy yazykoznanija*. 2012, no. 4, pp. 3–38.
24. Zimmerling A. V. Word order systems in Slavic languages. *Voprosy yazykoznanija*. 2012, no. 5, pp. 3–37.
25. Zimmerling A. V. *Word order systems of Slavic languages in the typological perspective*. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2013, 544 p.
26. Zimmerling A. V. Clitics and the utterance informational structure in classical Greek. *Rhema. Rema*. 2015, no. 1, pp. 74–96.
27. Yanko T. E. *Communicative strategies of the Russian language*. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2001, 384 p.

28. Chomsky N. *Barriers. X-bar syntax: A study of phrase structure*. Cambridge (Mass.), MIT Press Publ., 1986, 103 p.
29. Dikken M. [Review of:] *Mirrors and microparameters: phrase structure beyond free word order*. David Adger, Daniel Harbour, Laurel J. Watkins. Cambridge Univ. Press (2009). *Lingua*. 2010, vol. 129, issue 9, pp. 2311–2318.
30. Feldstein R. F. [Review of:] Andrej A. Zaliznjak, *Drevnerusskie ènklitiki*. *Acta Slavica Iaponica*. 2009, vol. 29, pp. 133–140.
31. Gutschmidt K., Berger T., Kempgen S., Kosta P. *Die slavischen Sprachen/The slavic languages*. Halbband 2. Berlin, Munich, Boston, de Gruyter Publ., 2014, 1150 p.
32. Hill V., Mladenova O. Mapping the information structure in Early Modern Bulgarian clauses with the particle TA. *Lingua*. 2011, vol. 121, issue 15, pp. 2103–2119.
33. Kosta P., Zimmerling A. Slavic clitic systems in a typological perspective. *The nominal structure in Slavic and beyond (Studies in generative grammar 116)*. Eds. L. Schürcks, U. Etxeberria, A. Giannakidou. Berlin, London, de Gruyter Publ., 2013, pp. 439–486.
34. Lahousse K., Laenzlinger C., Soare G. Contrast and intervention at the periphery. *Lingua*. 2014, vol. 143, pp. 56–85.
35. Newell H., Piggott G. Interactions at the syntax–phonology interface: Evidence from Ojibwe. *Lingua*. 2014, vol. 150, pp. 332–362.
36. Sáez L. The Structure of COMP in Slavic: some evidence from Slovak. *Anuario del Seminario de Filología Vasca Julio de Urquijo. International Journal of Basque Linguistics and Philology*. 1991, vol. XXV-2, pp. 515–542.
37. Schürcks L., Etxeberria U., Giannakidou A. Nominal arguments and the role of D: An introduction. *The nominal structure in Slavic and beyond (Studies in generative grammar 116)*. Eds. L. Schürcks, U. Etxeberria, A. Giannakidou. Berlin, London, de Gruyter Publ., 2013, pp. 3–16.
38. Wallenberg J. C. Scrambling, LF, and phrase structure change in Yiddish. *Lingua*. 2013, vol. 133, pp. 289–318.